

'Это не моя вина. Я просто ничего не могу с этим поделать'. Как часто она повторяла про себя эти слова, всегда одни и те же предложения крутились у нее в голове. Она не считала себя нимфоманкой, несмотря на то, что могли подумать другие люди. Просто секс постоянно занимал ее мысли. Каждый день, и даже ночью, самые безобидные вещи могли внезапно вывести ее из себя, и больше всего ей хотелось либо трахаться, либо, по крайней мере, мастурбировать. Когда она спала, это не приносило никакого облегчения, ее сны терзали похотливые действия с незнакомцами или даже членами ее собственной семьи. Мужчина или женщина - разницы не было. Как только огонь разгорался в животе, и что бы она ни делала, чтобы остановить его, она знала, что он неизбежно быстро перейдет в ее влагалище. Соки начнут течь, а соски станут эрегированными - еще один верный признак того, что она в жару.

Смущало ли ее это? Конечно, смущало. Но она ничего не могла сделать, чтобы остановить это, несмотря на то, что ситуация была не идеальной, хотя многие мужчины, вероятно, с этим не согласятся. Когда это случалось, ей просто нужен был кто-то: молодой или старый, большой или маленький, уродливый или красивый - разницы не было, лишь бы у него был член и он мог его вставить. В противном случае, ей нужна была киска и пальцы. Подойдет любая женщина, кто-то, о кого можно потереться, кто-то, кто засунет пальцы в ее пизду и будет грубо фриговать ее, пока она не лопнет и не достигнет сейсмической кульминации.

Она была замужем, к сожалению, довольно много раз, но ни одному из них не суждено было продлиться долго. Когда начинались новые отношения, ее новый мужчина не мог поверить в свою удачу. Не для нее: "Я сегодня мою волосы", или "Сейчас такое время месяца", или даже "У меня болит голова". Ей нужен был трах каждую ночь, желательно несколько раз. Это был секс до чая или сразу после. Это было в середине вечера или рано утром. За городом, в баре или клубе, может быть, в кинотеатре, когда начинались чувства, она умоляла своего кавалера трахнуть ее. Наверху в автобусе, в машине во время путешествия, ей казалось, что нет такого места, где бы она не раздвинула ноги.

Проблема всегда возникала, когда ее нынешний партнер, муж или вторая половина не были с ней. Потому что тогда ей нужно было найти кого-то другого, верность вылетала в окно, а через некоторое время и ее брак.

На работе, а у нее было много работ, она занимала выгодное положение. Можно сказать, что это произошло потому, что она проспала, а точнее, протрахала свой путь к вершине. В свои тридцать шесть лет она пробежала пять миль каждое утро и имела тело, которому позавидовали бы большинство двадцатилетних. Каждый ее начальник, а их было немало, не мог поверить в свою удачу. Не нужно было пытаться делать ей предложение; она потеряла счет тому, в скольких офисах и залах заседаний она занималась сексом. В конце концов, она становилась обузой, слухи о ней распространялись, как и она сама, когда на нее накатывала похоть, и тогда обычно наступало время двигаться дальше.

На странице ее открытого рабочего ежедневника была обведена дата - двадцать пятое января; этого дня она ждала с ужасом. К счастью, он наступил и прошел без каких-либо неприятностей, но она знала, что время приближается. У нее был сын, зачатый от одного из ее мужей, а может быть, от одного из многих мужчин, которым она позволяла проникать в себя; и эта дата была его восемнадцатым днем рождения.

На протяжении многих лет, хотя она очень любила его, ей удавалось держать его на расстоянии. В детстве у него было много нянек. В детстве у него была няня, а когда он стал достаточно взрослым, она отправила его в подготовительную школу, а затем в частную школу-интернат. Она не хотела, чтобы он видел ее такой, какая она есть на самом деле. Когда эта боль в животе брала верх над ее чувствами, искушение было оставить его в покое, отчаяние посылало ее на поиски кого-нибудь, кто мог бы облегчить потребности ее тела.

К счастью, в тех редких случаях, когда он был с ней, она справлялась, запираясь в спальне и погружая игрушки в свою пизду; но теперь, к сожалению, он достиг совершеннолетия. Ему больше не нужно было ни о ком заботиться, и она боялась, что в какой-то момент, когда ее желания возьмут верх, она может попытаться соблазнить его.

Они не были отчуждены друг от друга; скорее, сын, вероятно, считал ее далекой. Это было неправдой. Она всегда отсылала его подальше, чтобы обеспечить его безопасность, несмотря на то, как сильно она хотела быть с ним.

Джонджо уже не был ребенком, он был красивым молодым человеком, и когда она смотрела на его фотографию, одетую в костюм и позирующую на выпускном вечере, она отогнала мысли, которые вторглись в ее сознание.

Даже сейчас, пока еще, он был далеко; мысли о нем заставляли ее колени дрожать, и она чувствовала, как в ней развивается желание. За прошедшие годы, хотя они встречались несколько раз, она видела его нечасто. Когда он возвращался домой на летние каникулы, она часто отправляла его к родителям или предлагала летний лагерь - все, что держало его на расстоянии от нее. У нее были только его фотографии: та, что сейчас стояла на ее столе, и та, что лежала в прикроватном ящике.

Это было бесполезно: желание быстро нарастало, и ей нужно было сдерживать себя. Она взбежала по лестнице, на ходу срывая с себя одежду, и к тому времени, когда добралась до своей комнаты, была уже голой, бросилась на кровать и стала рыться в ящиках.

Достав фотографию, она взглянула на сына. Фотография была сделана на Пасху, Джонджо на далеком пляже. Это был его подарок на восемнадцатилетие, и он позировал перед камерой; загорелый, в одних плавках. Мысленно она уже сняла их, представляя себе его твердый член, когда она легла на спину и раздвинула ноги. Первое прикосновение заставило ее задрожать, пальцы дразнили ее киску. На несколько секунд она не обратила внимания на влагище, потому что ее соски требовали внимания; каждый из них крутили и щипали, пока они не стали прямыми, твердыми и пульсирующими от удовольствия ее прикосновений.

Затем ее пальцы вернулись к киске, по одному с каждой стороны клитора, и она медленно потирала его, закрыв глаза, представляя, как Джонджо шаркает между ее бедер, а его пухлый член прижимается к ее животу. Это стало для нее привычным сценарием; ее возбуждение нарастало до тех пор, пока ее пальцы не повторили его член и не погрузились в ее пенис. Фроггинг был неистовым, быстрым и жестким, ее разум теперь представлял ее сына, нависшего над ней, когда его член проникал в ее пизду.

Давление нарастало, его образ был отброшен, потому что в ее сознании он был живым, настолько реальным, что она действительно чувствовала его ствол внутри себя, в то время как другая ее рука ласкала ее сиськи, сжимая и лаская плоть; ее соски стали двойными пиками, которые передавали сигналы удовольствия в ее мозг. Находясь на грани, она была в нескольких секундах от взрыва, когда ее пальцы переключились на клитор, и мир вокруг нее распался.

Она представила, как сливки сына заполняют ее киску, смешиваясь со спермой и соками, как ее бедра сжимаются вместе; ее тело сотрясается, когда сила конвульсий заставляет ее метаться взад и вперед. Когда она вышла из оргазма и снова посмотрела на фотографию сына, она не чувствовала ничего, кроме всепоглощающей любви к нему. В том, что она только что сделала, не было ни отвращения, ни отвращения; эту свою фантазию она часто использовала при мастурбации, потому что эротизм воображения секса с ним давал ей самые лучшие кульминации, которые она когда-либо испытывала.

Медленно она вытерла себя, убирая влагу, покрывавшую ее киску и бугорок, а также то, что вытекло между щеками ее попки. Она должна была быть осторожной, так скоро после оргазма, ее тело все еще было созревшим, и слишком много прикосновений и вытираний могли быстро пробудить ее возбуждение. Ее ноги все еще немного шатались, пока она собирала свою одежду, медленно одевалась, а затем подправила тональный крем, чтобы ее лицо снова выглядело презентабельно.

Несмотря на то, что у Джонджо был день рождения, он был в безопасности до конца месяца. Именно тогда заканчивалась его школа, и он приезжал домой, чтобы дождаться результатов экзаменов. Она надеялась, что он хорошо сдал экзамены по той простой причине, что университет снова увезет его подальше, за пределы возможной неосмотрительности. Неудача означала, что, наконец, он вернется домой, а она не доверяла себе. Если бы он был здесь на постоянной основе, даже если бы он нашел работу, в конце концов, она попыталась бы соблазнить его, если бы не изнасиловала его первой.

Джонджо сошел с поезда со своими чемоданами и направился к выходу. Он не ожидал, что мать заберет его; в прошлом она никогда этого не делала. Обычно его ждало такси, чтобы отвезти в пункт назначения, к бабушке и дедушке, или к другому члену семьи, или даже в летний лагерь. Но в этот раз он ехал домой, куда-то, о чем у него были лишь смутные воспоминания. Он любил свою мать, потому что этого от него ждали, но он не знал ее и мог представить ее только в своем воображении благодаря фотографиям, которые она время от времени присылала ему. Они каждую неделю разговаривали по телефону, но это не означало, что он знал ее; она была просто женским голосом на другом конце линии.

Он был одновременно ошеломлен и ошеломлен, когда вышел из дома. Кэролайн, его мать, ждала снаружи, стоя рядом с ней четыре на четыре. Во плоти она выглядела иначе, чем на своих фотографиях. Первой его мыслью было, что она великолепна; вторая мысль была непроизносимой. С самого рождения между ними не было той связи матери и сына. Джонджо понял, что, несмотря на то, что в его свидетельстве о рождении значилось ее имя, он видел в ней только какую-то женщину, хотя в тот момент и весьма сексуальную.

Здравствуй, дорогая мама.

Она шагнула вперед и попала в его объятия, сознавая, что, несмотря на здравый смысл, она оделась для него. Обтягивающий топ с V-образным вырезом демонстрировал ее декольте, а решение в последнюю минуту отказаться от лифчика привело к тому, что ее груди, все еще полные и упругие, заметно выступали под непрочным материалом, а соски напряглись, как только прижались к его груди.

Привет, Джонджо. Как хорошо, что ты наконец-то дома".

<http://erolate.com/book/2245/59608>